

СТО МЕТРОВ ДО МАРСА

Фантастический рассказ

Риф проснулся за минуту до сигнала. Сейчас завоет сирена. Юу-у-у-у-у.... — визгливый протяжный гудок, как нож о тарелку, ворвался в мозг и внезапно стих. Конвейер тронулся. Серый цех уходил далеко-далеко. Конца ленты не было видно. Риф даже не представлял, где она кончается, да ему и незачем было это знать. Участок 114 ФЕ — это все, что его интересовало. Он ставил четыре заклепки на плечевой сустав робота. У остальных — свои обязанности.

На участке их ровно сто. Сто совершенно одинаковых рабочих единиц. В одинаковых серо-зеленых комбинезонах с желтым треугольником на левом плече.

Риф подтянул гайку, вставил шарнир, подтянул гайку, вставил шарнир, подтянул гайку, вставил шарнир... Горс укрепил шарнир, припаял контакт, укрепил шарнир, припаял контакт, укрепил шарнир, припаял контакт. Вэл вставил терморегулятор, вставил терморегулятор, вставил...

Сэмы, Юджины, Коллинзы паяли, сверлили, монтировали.

В обед все вместе ели комплексный обед номер один, он и был-то один, выбора не было. Алютюновые вилки и ложки гнулись и слабо мерцали, когда металл ломался.

«Приборы не ломать» — висел в столовой плакат, но какая-то неудержимая сила толкала людей на разрушения. Лайн, его сосед, даже установил своего рода рекорд, разломав вилку на 85 частей. На местах слома появились мерцающие огоньки, которые словно гипнотизировали, и снова и снова хотелось видеть их голубоватое сияние. Так в старину смотрели на огонь очага наши предки.

За поломку приборов полагался штраф, поэтому их воровали и ломали в бараках. Тесным кольцом все сидели вокруг, и наиболее опытный «разрушитель» молча совершал процедуру. Потом был часовой гипноз-сон, затем снова работа и ужин из белковых концентратов.

Вот уже тридцатый день Риф работал на фабрике примитивных роботов рифмы «Стронг»:

Риф проснулся. Звенел телефон. Секретарша напоминала, что в 15.40 совещание у шефа. Бросив жетон в щель блока питания, он пошел умываться. Мягко загудел зуммер, извещая, что завтрак на столе. Миноги с лимоном, омлет с натуральной ветчиной, тостики с сыром, кофе со взбитыми сливками и бокал «трильби».

«Что-то Блок сегодня расщедрился, — подумал Риф. — Ах да, сегодня же конец месяца».

Вызвав аэрон, он через семь минут уже сидел в своем редакционном кабинете. Еле слышно работал старинный вентилятор под потолком. В общем-то бесполезная антикварная штука при кондишене, но эту роскошь мог позволить себе не каждый. Надев на голову треник, Риф начал просматривать заголовки статей для вечерних газет. Начальнику отдела теперь не обязательно читать всю писанину журналистов. Да он, наверное, уже и разучился. Во всяком случае, почти не помнит, когда последний раз пробежал глазами цветные гранки. Теперь треник мгновенно считывает информацию, передавая ее непосредственно на центры восприятия.

Ткнув пальцем в селектор, Риф продиктовал: «В «Тринадцатый скандал Луиджи» добавить юмора. В конце усилить драматическую развязку. «Человек-зверь» — выбросить длинное предисловие, начать сразу. В детективе «Пятое колесо» добавить лирики в диалогах убийцы. Остальное вроде бы в порядке».

Затем он принял трехчасовую таблетку глабуроза и запил ее соком. На работе принимать наркотики запрещалось, но все смотрели на это сквозь пальцы. Делу это не мешало, скорее наоборот. Просто от глабуроза отключалось внешнее сознание, и человек, принявший таблетку, мог продолжать трудиться с закрытыми глазами; состояние организма было похоже на гипнотическое.

К обеду Риф уже пришел в себя и посмотрел на энтабид, регистрирующий его действия. Да, он поработал на совесть. Поднявшись в лифте прямо из кабинета в столовую редакции, он с удовольствием съел обед и похвалил свою фантазию. Вчера он долго ломал голову над составлением меню.

Совещание у шефа было назначено на 15.40. Предстояло обсудить программу стереотипных снов штата на следующий месяц, а так как его газета была центральным органом печати, то его мнение имело вес, и притом немалый. Правда, нужно было еще получить одобрение психоневрологов, но это уже было почти формальность. Во всяком случае, Риф не помнил, чтобы в этом вопросе у них возникали противоречия.

За прошлый месяц ему самому так наскучило вертеть гайки в сумрачном цехе, что в очередном сномесеце хотелось вырваться куда-то на волю. В джунгли, во льды или в пустыню. Вот позапрошлый месяц он собирал апельсины на плантациях. Очень хороший сон. Риф улыбнулся — как гениально просто! Для людей умственного труда — сны с физической нагрузкой. Недаром Шекелю стоит памятник из ванадия за изобретение «Великого спящего». Одна машина программирует разнообразные сны для всех штатов, с учетом индивидуальности каждого человека.

Совещание началось минута в минуту. Редактор отдела разлеченый Майкл Флинт взял слово.

— Наверное, сюрприз, — сказал одноглазый фотокорреспондент Беркли. — Выступает первым.

— Долетим — увидим, — ответил Риф. — Не спеши. Но похоже, он придумал что-то новенькое.

Майкл Флинт, высокий, худой и негнувшийся, встал со стула и откашлялся. Можно было подумать, что он проглотил шпагу из музея старинного оружия.

— Уважаемые... гм... гм... Уважаемые! Хочу предложить вашему вниманию на рассмотрение один проект. Может быть, громко сказано «проект» — просто предложение. Мы программируем сны по Шекелю. Из месяца в месяц, из года в год. Мы привыкли к ним, мы воспринимаем их как должное. Но прогресс — это движение общества.

Правая рука Флинта в такт речи через определенные интервалы стучала по столу, как автомат.

— Не иначе в прошлом сне он работал на клепке мелких составов, — съехидничал Беркли, но, поймав суровый взгляд Рифа, умолк.

— Я предлагаю, — продолжал Флинт, — стимулировать общий сон! Поясняю. В Древнем Риме был лозунг «Хлеба и зрелищ». Вот-вот, вы уже переглядываетесь, вы уже понимаете! Единственное, чего не хватает во сне, — это зрелищ. Зрелищ, развлечений, ради которых физическая снагрузка будет в тысячу раз приятней. Могут быть и поощрения. Концерты для узкого круга особо отличившихся «с соответствующим продолжением», — он хлопнул рукой по столу и подмигнул.

— А как же наша мораль? — возразил заведующий отделом социологии Бернс.

— Я надеюсь, что эти отступления вы не будете рассказывать жене? А? Потом, это ваше право. Вы можете и не развлекаться. Можете ломать ворованные вилки или ковырять в носу. Вас никто не заставляет. Ну уж а если мы спать не можем так, как хотим, вернее так, как сами придумаем, то грош цена нашей демократии. В общем, я предлагаю обсудить мое предложение.

Главный редактор, человек весьма консервативный, позвонил в музейный колокольчик.

— Дорогой Майкл. Предложение твое очень любопытное. Но я не уверен, что «Великий спящий» за сутки подготовит развлекательные программы. Учтите, джентльмены, не одну и даже не две программы. Я смею надеяться, вы не забыли о своих спящих подругах? Но почему бы не провести этот небольшой опыт? Во всяком случае, от сна к сну «спящий» будет совершенствовать программу развлечений.

У меня, правда, было несколько иное предложение. Я согласен, что сны немного однообразны: целый месяц одна и та же нагрузка. Но раз мы не можем видоизменять сны чаще установленного срока, я задумал поставить другой опыт. Проснувшись, человек забудет о своем сне. Здоровый, крепкий сон. Нет-нет, я отнюдь не противоречу великому Шекелю. К утру вы еще будете чувствовать, что совершали какую-то работу. Физическая разрядка сохранится в подкорке мозга, но потом участки снапамяти ослабеют. Что мы выгадаем? Освободимся от этих нудных совещаний, перестанем ломать себе голову над проектами новых снов.

— Не согласен. — Риф взял слово. — Это, извините, шеф, я

думаю, что это неинтересно. Предложение Флинта меня больше устраивает. О чем говорят обыватели? О своих снах. С вашим предложением мы потеряем всех подписчиков газеты «Сон». Темы карикатур, юмористических рассказов, пародий исчезнут. Не о чем будет вспомнить в этой прекрасно устроенной жизни.

Потом слово взял Боллз — редактор отдела науки. Он что-то доказывал, но Риф слушал вполуха. Наконец приступили к голосованию.

Большинством в два голоса — Риф был в числе большинства — утвердили проект сна следующего месяца по Майклу Флинту. Теперь только дать задание «Великому спящему», или, как его ласково называли, «Соне», и «Спите себе на здоровье» — Риф вспомнил название вечерней телепередачи.

Домой он прилетел немного усталый и вызвал Энн. Она отдыхала у океана в «Золотом куполе». Энн подошла к видеофону и улыбнулась.

— Ты почему небрит, милый?

— Специально. Ты же понимаешь, что в таком виде нельзя ухаживать за женщинами. Вот я и маскируюсь. Они ко мне пристают сотнями.

— Ну как дела?

— Только что с совещания. «Новый месяц, новый сон, лучший в нынешний сезон», — пропел он строчку из осточертевшей песенки, но на последнем слоге дал петуха и расхохотался. — Не получится из меня Вуд Смайлс.

— Да, это верно. Ну и что же вы придумали?

— Расчистка пляжей Флориды.

Теперь рассмеялась Энн.

— Вы бы хоть придумывали правдоподобные сны. Здесь ведь идеальный порядок.

— Ну, знаешь, это все-таки лучше предложения Боллза, твоего любимца.

— А что предложил этот милый мальчик?

— Конкурс на самое оригинальное убийство. Надо, говорит, пощекотать нервы обывателям. Его предложение утвердили, но только не назначили месяц.

— Так ведь что-то подобное уже было?

— Были бои с восставшими роботами. Сон с еженощным продолжением. У тебя что-то плохо с памятью. Ты еще пряталась в бочке из-под бензина. Уже забыла, что рассказывала? А что тебе сейчас дают во сне?

— Я же отдыхаю, милый.

— Ах да! Сны по выбору. Тысячи прелестных карточек с легкой нагрузкой и присутствием машин. Надеюсь, что во сне ты мне тоже не изменяешь?

— Ну что ты, Риф.

— Смотри у меня!

Загорелась сигнальная лампа.

— Риф, кончается время. Целую, спи спокойно...

Он разделелся и включил фенолекс. Тихая, баюкающая музыка расстелилась по комнате и мягко укутала усталого Рифа.

Риф проснулся.

Барак был собран как попало. Ломило в боку. В щели сильно дуло. Проглотив на завтрак какую-то баланду и калорийные таблетки, он вместе с остальными выбежал наружу.

Солнце так било в глаза, что, казалось, его лучи летят из брандспойтов пожарных роботов. Пляж был бескрайним и скорее походил на пустыню у океана.

Они строили дамбу.

Кое-где в небольших скалах изредка вспархивали длиннокрылые птицы и исчезали в безоблачном небе. Риф попытался проследить их полет, но услышал грубый окрик:

— Опусти нос — потеряешь шляпу, болван.

Риф хотел что-то возразить, но увидел, как охранник ласково погладил свой биорон. Этой штукой можно было разложить человека в мгновение ока, и никаких следов не оставалось.

Риф взял лопату и поспешил к своей группе.

Целый день они строили дамбу, таскали скальную породу, дробили ее, готовили теркоцитовый раствор. Обедали морскими концентратами, от которых тошнило, и закусывали калорийными таблетками. Через минуту привкус пищи исчезал.

От работы болела спина. Риф хотел искупаться, но тот же охранник резко окрикнул его и навел биорон.

«Сейчас выстрелит, — подумал Риф и нехотя отошел от воды. — А может, стоит разок попробовать умереть? А?»

Он взял лопату и стал перемешивать раствор.

Заходящее солнце вспороло зеленоватую гладь океана багровыми лучами. Какие-то мягкие, нежные звуки донесли со стороны моря. Риф замер. Перестали стучать каменотесы, тихо опустились на песок носилки со щебнем, даже охранник выключил мотор «стрекозы», и она беззвучно большими кругами парила в воздухе. Музыка слышалась все отчетливее. Потом в нее стали вплетаться какие-то потусторонние голоса. Риф мог поклясться, что это не человеческие голоса, но удивительно приятные и мелодичные. Они напоминали одушевленные музыкальные инструменты. И вот на горизонте показалось странное... нет, не судно и даже не сооружение. Риф не мог найти подходящего слова. Среди полного штиля двигалось, беспрестанно меняя форму, что-то огромное. Какая-то сказочная волна принимала очертания древних каравелл, гигантских лайнеров, космических вездеходов. Волна рассыпалась мириадами брызг в пятидесяти метрах от берега, и на непонятном сооружении, напоминавшем одновременно плот, галеру и космический корабль, показалась группа поющих сирен. Их тела покрывала серебристая чешуя от головы до конечностей. Риф слышал или читал, что сирены обитают где-то в созвездии Прокциона, обладают совершенным разумом, но попытки перевезти их на другие планеты кончались неудачей. И надо же такому присниться! Все-таки молодец «Соня».

Серебряные щупальца-плавники медленно колебались в такт звукам, а кошачьи-человеческие головы, обрамленные длинными голубыми волосами, пленительно улыбались. Риф не понимал мелодичных певучих слов, но в основном возникали обра-

Рисунки Ю. МАКАРОВА

зы детства, и сладкая волна воспоминаний переполняла душу.

Песня вливалась в каждую клеточку его тела и вызывала необычный подъем. Хотелось простой лопатой перевернуть горы, перекидать в океан весь желтый песок, обнять весь мир и никогда не просыпаться, только бы слушать эту нескончаемую волшебную мелодию.

С последними, исчезающими звуками возник и закружился огромный водяной столб, рассыпался в мелкие изумрудные брызги и исчез.

На несколько минут все замерли, а потом по колонне легким ветерком пронесся неясный шум, который, набирая силу, как зарождающийся ураган, выплеснулся диким восторженным ревом.

Риф проснулся.

Ветер играл с голубой шторкой, солнечный зайчик весело плясал около настенных часов. Риф легко вскинул сильное тело и накрыл зайчик ладонью.

— Пой-ма-ал. Теперь не убежишь!

Но зайчик дернулся и выскользнул.

Спать уже не хотелось. Он принял душ, тщательно причесался и долго раздумывал, какую рубашку надеть.

В редакцию он пришел за десять минут до начала работы, но был уже не первым. На всех этажах только и говорили, что о сказочных сиренах, да возносили славу Шекелю.

— Здравствуйте, Риф, — фотограф Беркли протянул ему свою треугольную ладошку. — Теперь я знаю ваш вкус. Вы так ели глазами сирену на корме, ту, у которой волосы перехвачены у затылка. Жаль, что не было фотоаппарата. Я бы сделал вам блестящий портрет. Во сне, к сожалению, я всегда забываю свою камеру.

— А ты вставь объектив вместо глаза под повязку. Чтобы не пустовало место в черепе, — зло пошутил программист Френк. И зашагал по коридору как ни в чем не бывало.

— Что за народ! — Беркли даже не обиделся. — Сказал гадость и будто проглотил стимулирующую таблетку. Теперь у него на целый день отличное настроение.

— Риф, я вас поздравляю!

— С чем?

— Вы голосовали за предложение Майкла Флинта. Значит, гут есть и ваша доля.

В кабинет вошел шеф. Случай сам по себе был редкий. Обычно шеф не любил бродить по редакционным кабинетам, да еще в начале рабочего дня.

— Здравствуйте, рыцари пера! Сегодня у всех преотличное настроение. Все бодрый...

— А мне что-то снова хочется спать, — отозвался Беркли. — Я не прочь еще раз послушать кошечек.

Шеф расхохотался.

— Да, да... оказалось, что Флинт прав. В вычислительном центре сообщили, что тираж «Сна» можно увеличить на двадцать восемь процентов. И это уже после первой ночи. В кон-

це недели все голосовавшие за этот проект получают кругленькую премию.

— А воздержавшиеся? — не утерпел Беркли.

— Воздержавшиеся — тоже.

Риф проснулся.

Все тот же берег. Все так же бьет солнце в щели. Как и неделю назад, проглотив на завтрак калорийные таблетки, он вместе со всеми выбежал наружу. Беркли задержался у входа и поднял кусочек темного стекла.

— Зачем тебе? — спросил Риф.

— Светофильтр. Охранник в прошлый раз разбил очки. Я еще тогда хотел взять осколок, но не нашел. В перерыве я тебе кое-что покажу.

— Быстро-быстро — некогда болтать, сони! — прокричал в мегафон охранник.

Риф взял лопату и поспешил к своей группе.

Одноглазый Беркли очутился рядом и при каждом удобном случае тер края осколка, стараясь придать ему форму овала.

В следующем сне за обедом Беркли подсунул ему в руку два микроснимка. Как ему удалось их сделать, Риф не понимал. Беркли ел баланду и бормотал какие-то песенки. Охранник, уже привыкший к этому странному сону, не обращал на него внимания. Беркли толкнул Рифа локтем в бок и как ни в чем не бывало продолжал свое бормотание. Риф прислушался.

Беркли напевал себе под нос.

— Творятся странные дела, ла-ла-ла, куча мала, — подвывал он в конце чуть громче.

— Вчера собрал аппарат в глазу, снял тебя и стрекозу, — чуть громче: — зу-зу-зу-зу... Непонятно мне: что же вижу я во сне? — И чуть громче: — По весне, на сосне...

Прозвенел сигнал окончания перерыва.

Риф встал, перевернул миску вверх дном, потом вдруг засунул ее себе под куртку.

— Держитесь рядом, — шепнул он Беркли. — У меня любопытная идея.

В конце работы вместо чарующей музыки со стороны барака вдруг раздались огненные звуки флогистона. На серповидной площадке несколько обнаженных женщин исполняли новомодный танец. Искусно подсвеченные тела их переливались всеми огнями радуги. Усиленная динамиками песенка заполняла все пространство. Казалось, звуки вырываются отовсюду: сверху, из-под ног, из океана. Но слова эти Риф слышал впервые.

Кто хочет нас,
сейчас, сейчас
Лови огонь в крови!
Спешите к нам, пока тамтам

Стучит, зовя к любви.
Любви отпущен ровно час,
Достаточно вполне!
Кто хочет нас
сейчас, сейчас?
Как наяву — во сне!..

Толпа устремила к серповидной эстраде.

Риф и Беркли бежали последними.

— Ну, голуби, быстренько! — над головами закружил охранник на «стрекозе». Он вертел в руках биорон, как ковбой из старинных вестернов свой пистолет.

— Быстренько, быстренько, — гоготал он вверху, наводя страшное оружие. — А не то...

— Приятель вывихнул ногу, — прокричал Риф.

— Скачите на трех, а то разберут всех девочек. Будете только смотреть и облизываться.

Он улетел в голову колонны.

Рифу снова пришла странная мысль: «Ведь этот сон будет длиться еще двадцать дней. Значит, каждый раз, если я ослушаюсь, в меня будут стрелять? Или же все зависит от моих поступков? Любопытно! Почему бы не попробовать умереть? Интересно, что получится?»

Он дернул Беркли за рукав куртки и упал на камни.

Когда рабочих уводили в барак, Риф и Беркли были уже в трех милях от лагеря. Охранник не заметил беглецов, и они, прячась за камнями, забились в трещину между скал.

Они брели по кромке прибоя, с наслаждением вдыхая солоноватый воздух. Правда, мысли о штрафе немного беспокоили их. Будет неприятный разговор с шефом, но Риф мог раз в жизни себе это позволить. «Отступление от приказов в планируемых снах карается полугодовым штрафом». «Соню» невозможно было обмануть, и всегда выяснялось, правильно ли ты спал. Все это Рифу было известно: сам писал об этом в своей газете. Но один раз почему бы не попробовать?

— Похоже, что нас завтра оштрафуют, — сказал Беркли. — Вот посмотри пока. — Он протянул два снимка.

— Откуда у тебя эти фотографии? Ты что, во сне сделал фотоаппарат?

— Да, в глазу. Вот. — Беркли приподнял повязку. — Правда, с пленкой пришлось туго. Я проявил ее калорийными таблетками. Во рту. И морской водой, внес соли.

— Где?

— Во рту.

— Ты знаешь, среди танцовщиц я, по-моему, разглядел Сюзи.

— Кто это — Сюзи?

— Стенографистка из газеты «С добрым утром».

— Одним глазом разглядел и с такого расстояния? Ой, прости, Гарри. — Риф первый раз за все время совместной работы назвал Беркли по имени.

— Глаз-то один, зато в другом у меня телевик. И вот что я думаю. Как это во сне получаются фотографии?

— Что же тут особенного, раз ты во сне собрал фотоаппарат, значит и фотографии должны быть во сне. Вот проснешься, заплатишь штраф, посмотришь под повязку, а там пусто. Кстати, а где вчера был твой аппарат?

— В бараке. Я его прятал в подушку.

— Ах ты конспиратор!

Какой-то жук укусил Рифа за ногу. Он точно встал на раскаленный шлак. Но боль так же быстро прошла, как и возникла. Риф смотрел на звезды, и ему казалось, что они о чем-то шепчутся. Секретничают о маленьких человечках, которые на своих светлячках-кораблях перепархивают с одного места на другое, как ночные пчелы, собирая звездный нектар в свои ульи. Иногда они ссорятся. Как, должно быть, смешно это выглядит со стороны!

Они прошли довольно много. Сколько, Риф не знал, но почувствовал, что хочет спать.

— Тебе не хочется спать, Беркли?

— Немного хочется, — Беркли думал о чем-то своем. — Странно. Судя по солнцу, рабочий день уже кончился. Следовательно, пора и нам просыпаться, а мы все идем и идем. И к тому же хочется спать.

«Да странно, — подумал Риф, — во сне хочется спать». Он присел на остывающий камень у самой воды. Справа была небольшая пещерка.

«Нет, почему же странно? Ведь я же ем во сне и справляю нужду, отчего же не могу спать? А может, этот день так и запрограммирован?»

— Залезай сюда, Гарри! — Он вполз в пещерку и подал руку Беркли.

Страшно болела нога. Очевидно, распространилась инфекция.

— Слушай, Гарри, мне кажется, что такой боли во сне просто не может быть.

Беркли рассмеялся.

— А ты забыл, как месяца два назад стукнул мне киркой по бедру. Я чуть было не потерял сознание и целый сон не мог ходить.

— Я постараюсь уснуть, — сказал Риф. — Ужасно болит голова, а нога почти онемела.

— Поспи. Редактору «Сна» это не повредит. Сон редактора — лучшая реклама для читателей. А я взгляну на окрестности.

— Лучше посиди, Гарри, вдруг мне будет худо...

— Ну, ладно. Спи...

Когда Риф проснулся, Беркли в пещере не было. Он хотел покричать, но услышал голоса над своей головой.

— Достаньте мне этого второго живого или мертвого. Какие сны ему были запрограммированы?

— Девяносто шестой сложности, шеф.

— Сколько времени он у нас?

— Девятьсот семьдесят шесть дней. Он тридцать шестого по-

колени Марса. Предки — земляне. Доставлен с планеты партией Кристофа-невидимки.

— Катастрофа?

— Да. Версия — катастрофа. Кристоф не оставляет следов. Потом, как обычно, Утешитель снял со всех пассажиров матрицы мозга и составил для них программу сна. Кстати, они почти все работали в одной редакции.

И тут Риф вспомнил все!

Розовый Марс, Энн, марсианскую Флориду, редакцию, Беркли. Того Беркли, а не этого. Казалось, что сердце оборвалось.

Над выходом из пещерки повисли две нити в коричневых башмаках и стали мерно раскачиваться.

Нет, это кошмар. Надо поскорее проснуться. Недаром запрещено неповиновение приказам во сне.

Нет, нет, он заболел, вот почему этот сон идет с такими отклонениями. Конечно, заболел. Завтра он во всем разберется. А может, этот остряк Френк напутал? Может, этот молодой осел заложил в сонник эмоциональную перфокарту, пробив с перепоя несколько лишних дырочек? Поэтому «Соня» и составил не то, что надо. Интересно, какие кошмары сейчас видит шеф? Френку теперь не сносить головы.

Да, но что говорили эти двое? На том Марсе не было общих снов? А на этом есть... Господи, я схожу с ума... Как болит нога... Вот так же в детстве болела сломанная ключица... Если меня на самом деле похитили эти сволочи, как теперь я доберусь на свой Марс?..

В сознании возник другой голос:

— Выйди — и ты проснешься.

— Нет, нет, успокойся, Риф, ты уснул в этой пещере и спишь. Еще спишь, а во сне тебе кажется, что ты проснулся. Сон во сне!

— Выйди, Риф, — и ты проснешься! — продолжал шептать голос с новой силой.

— Но это не сон... — Третий голос отодвинул второй куда-то вглубь. — Это другой Марс.

— Какая тебе разница. Сон — явь. Границы сна и яви стерты. Один Марс или другой — что это меняет? Сон, явь... Все одно и то же.

— Я не хочу общих снов. Не хочу...

— Разве ты разбираешься в психоанализе лучше Шекеля?

— Но он придумал сны здесь, на этой Гее — Марсе II — Лжемарсе!

— А может быть, на Марсе I? А потом они стали на Марсе II. Или с Марса II перекинулись на всю галактику.

— Конечно, конечно, сейчас спит вся галактика. Мама рассказывала, что днем звезды спят, поэтому их и не видно... Как болит нога! Она стала коричневой, как этот ботинок-маятник.

— ...Ты же сам писал статьи о Шекеле с таблетками глабуроса. Или этих таблеток не было на Марсе I?..

— Были. Но открытие Шекеля запрещено.

— Сначала — да, ты же все знаешь сам. Эта планета и есть Марс I. Жизнь есть сон, а сон есть жизнь.

— А этот разговор наверху, а эти ботинки?

— Я же говорю, что это сон во сне. У тебя опухла нога, ты бредишь.

— Конечно же, это бред. Конечно, бред. Такого не может быть.

— А почему мы делали роботов? На Марсе I роботов делают роботы, а не люди. Для чего похищают людей?

— Это же сон прошлого месяца и сон этого сна во сне. Ты все смешал, Риф...

— ...Не хватает рабочих рук... Пока мы сделаем... Нужно до него где-то... — Издалека доносились обрывки слов.

Риф завертел головой и весь напрягся.

— Не совершить ли облет в шестнадцатом квадрате? — четко разобрал он.

— В шестнадцатом — первые сны новичков, шеф. Это особо опасный участок. «Утешитель» еще не выверил для них всю программу.

— Как так?

— Вы же знаете, шеф. Людей не хватает, а размножение в «отпусках» идет крайне медленно.

— Не беспокойтесь, шеф, в девятой колонии был случай похуже. Один гипнолог с Альфы разобрался во всем почти сразу, но спящие отказались бежать. Как говорили в старину, «зачем менять шило на мыло»? Жизнь во сне здесь была комфортабельней жизни наяву там. Человек очень легко приручается, как самое высокоорганизованное млекопитающее.

— Что это — «шило на мыло»?

— Старинное идиоматическое выражение землян.

— Что же придумать? Нужно что-то придумать.

От нестерпимой боли в ноге мутилось сознание. Словно сквозь туман, Риф услышал шум тормозных двигателей, увидел, как перед входом легла тень от спортивной ракеты.

К двум голосам наверху присоединился третий. Двое первых поздравляли Кристофа-невидимку с удачным возвращением из дальних странствий.

Коричневые ботинки перестали болтаться и один за другим ушли вверх. Затем голоса постепенно удалились.

Риф забылся.

Когда он пришел в себя, нога уже не болела. Риф встал на колени, и металлическая миска вывалилась из-под комбинезона. Лоб покрылся липким холодным потом. «Слава богу, все тихо», — подумал Риф. Он поднял миску и осторожно выглянул наружу. Никого... Ужасно хотелось есть.

Он спрятался снова и начал точить края миски о камень. Если бы как-то разрезать ее, получились бы два ножа.

Риф осторожно вылез из пещеры. Метрах в двухстах стояла белая игла ракеты Кристофа. Бортовые посадочные сопла перечертили ее черным нагаром, и эти полосы напоминали нарисованные ребра скелета. Черно-желтых нигде не было видно. Входной люк был открыт, к нему поднимался трап. Неужели повезло?! Не выпуская из рук свое оружие, Риф побежал к ракете.

В небе кружила длинноклювая птица. Она то резко взмывала вверх, то кувырком летела к земле и, вырвавшись, снова набирала высоту и опять падала. «Как я похож на эту птицу!» — подумал Риф. До трапа оставалось метров сто, как вдруг в небе появилась «стрекоза». Риф ясно видел направленный на него биорон.

«Все», — подумал он. До ракеты оставалось не больше ста метров.

Но он был все еще жив, а «стрекоза» с охранником плыла по какой-то странной дуге.

«Защитное поле», — догадался Риф. Так вот почему даже не убрали трап. Он, как муха, был накрыт стаканом силового поля вместе с ракетой. Вот почему так странно кувыркалась птица.

«Сто метров до трапа ракеты, сто метров до освобождения, до родного Марса», — мысль эта стучала в виски, и казалось, что от нее через секунду лопнет череп.

Черно-желтый человек вышел из кустов и стал подходить медленно-медленно. Улыбаясь, не опуская биорона.

— Здравствуй, Риф. Не знаю, откуда ты взялся, но очень кстати. Весьма рад тебя видеть. Ну что ж, будем знакомы — Кристоф.

Риф стоял, опустив голову... «Сто метров... Сто метров», — долбило в мозг.

— Не каждому смертному приходится видеть Кристофа-невидимку, радуйся, Риф. Ты узнал меня или еще нет?

— Десять тысяч стоит твоя глупая голова, Риф Стальное Перо. Что же ты молчишь?

Риф узнал его. Еще бы, он сам диктовал статью об этом пира́те космоса.

За голову невидимки было обещано десять тысяч. Смешно, за Рифа платили столько же! Он даже внутренне порадовался такой таксе. Да, это был Кристоф. Тот самый, который много лет назад похитил Шекеля и сумел уйти в дальний космос никем не замеченный. Тот самый, который, наверное, взорвал базу Рок-Сайд с ракетами-перехватчиками, а затем украл сто шестьдесят килограммов ария — почти весь запас «топлива» Марса. Планета почти задохнулась. Арий воссоздавал кислород. Тот самый, который...

— Что ты молчишь, сволочь? — вдруг взвился Кристоф. — Не хочешь ли напоследок поглядеть с высоты, как стада баранов дробят камни и просеивают песок, как табуны самок выводят себе подобных. Если смотреть на мир с высоты, он становится спокойней и чище. Жизнь есть сон, а сон есть жизнь. Это старая, мудрая фраза, и хвала Шекелю — он познал ее до конца. А теперь даже ребенок смог бы играючи до этого додуматься. Наш ребенок! Не ваш, а наш!

«Старая, мудрая фраза... играючи... ребенок... Старинная детская игра... И он ничего не может сделать...» — обрывки мыслей, спутавшихся в клубок, нащупывали целую нить. Стоп! Риф весь напрягся.

— Кто же будет теперь кормить тебя, Риф Стальное Перо? Ты убежал из лагеря и присвоил казенный инвентарь. Воровать нехорошо, Риф. За воровство — расстрел. — Кристоф говорил

спокойно, даже ласково. Как добрый дедушка, который наставляет непослушного внука на путь истинный.

— Брось миску! Сволочь!

И Риф бросил! Старинная детская игра в новом, единственном варианте. Миска с отточенными краями солнечным зайчиком заблестела на солнце. Мгновение ее полета растянулось для Рифа как вечность. Ему казалось, что время резко притормозило и сейчас остановится совсем. Миска летела все медленнее. Риф видел, как поворачивается она вокруг оси. Забуринка на краю, словно нехотя, ушла по кругу, исчезала, пустив солнечный зайчик, и появлялась опять. А в голову Рифу лезли детские стишки:

Я солнечный зайчик,
Я прыгаю смело
Вперед и назад.
И какое мне дело,
Куда направляют
Меня ребяташки...

Медленно летела миска — его единственное оружие, но еще медленнее, почти совсем незаметно Кристоф качнулся вправо, перехватил в руке биорон и стал его поднимать и... Диск врезался в шею Кристофа. Луч биорона резанул плечо. Риф пошатнулся. Кристоф хрипел, лежа на песке. Рука его еще сжимала оружие. Песок плавился под лучом. Невидимка в последний раз дернулся и замер. До Марса вновь оставалось сто метров.

Скафандр Кристофа оказался Рифу великоват, но зато шлем пришелся точно впору. Ракета была оборудована по последнему слову техники. Маршрут к Марсу даже не нужно было рассчитывать. Пути к центральным планетам были просто помечены номерами. Ребенок мог нажать кнопку «ц 11» и запустить двигатель. Рука уже тянулась к ней, но Риф пересилил себя. Один план возник в его упрямой голове.

Риф облетел проклятую планету-оборотень на малой высоте, но не находил своей цели. Проплывали города, утопающие в зелени, правильная сеть каналов пересекала пустыни, голубые ленты рек вились среди долин, гор, лесов. И почти всюду в бортовой телескоп Риф видел толпы рабов в «коллективном сне». «Стрекозы» охранников вились над серыми, синими, белыми группами «спящих». Наверное, каждый штат имел свою униформу.

Дважды повторился, очевидно, закодированный сигнал.

Риф отключил передатчик.

Ракетный снаряд разорвался поблизости, и на пульте вспыхнула красная лампочка сигнала опасности, и рядом появились координаты огневой точки. Автоматически включилось защитное поле. Лампочка замигала снова, и снова трижды появились координаты пусковых установок.

Мертвый глаз передатчика напомнил о Беркли. Понял ли Гарри хоть перед смертью, в каком аду жил? А может, лучше для него, что не понял. Так и уснул, чтобы больше никогда не проснуться. А Юджин и Фэб — два друга из отдела писем —

они уехали в долгосрочную командировку по «спецзаданию». Теперь он знал, что это за командировки. Жаль, что поздно. Нет, нет, еще не поздно. Он разбудит всех спящих от этого страшного сна. Царство «Великого спящего» кончится. Но где может быть этот проклятый «Соня»?

Конечно! Как же он не догадался сразу?

Если ракетные установки расположены в одном месте, значит, они охраняют что-то важное. Это что-то и должно быть самым главным на этой планете-перевертыше, а именно — злосчастный «Утешитель» Шекеля.

Увеличив скорость и набрав высоту, Риф резко пошел на снижение на координаты выстрелов.

Он уже ни о чем не думал и не смотрел на показания приборов. Прильнув к телескопу, он только успел заметить, что в зеленом городе нет серых металлических барачков.

А потом был чудовищный взрыв, и сразу же повсюду стали просыпаться «спящие» в серой, синей, белой одежде. С каждым часом, с каждой минутой их становилось все больше и больше.

